

„коһену“ штраф, по одной тенге за каждый просроченный день. Выкуп происходит следующим образом: к концу 30 дней устраивается маленькая трапеза, где обычно присутствуют только мужчины в количестве не менее 10 человек, так как в присутствии меньшего количества народа не совершают многих религиозных обрядов); „коһен“ держит у себя на руках ребенка-первенца и возвращает отцу по получении выкупной суммы, которая дается „коһену“ только серебряными монетами. Отец кладет эти деньги на тарелку и подносит их „коһену“, „коһен“ берет с тарелки деньги и передает сына отцу. После этого всех присутствующих угощают небольшой выпивкой и пловом.

„НОХУН ГИРОН“ נאשון גירון — ОБРЕЗАНИЕ НОГТЕЙ

В течение первого года жизни ребенка (точного срока не имеется) устраивается пир по поводу первой стрижки ногтей (в большинстве случаев это делается ради ребенка „азиза“). Раньше чем обрезать ногти, ребенку моют руки, а потом кладут его пальцы в миску, чаще всего в „лаган“ (квашонку) с мукой. Из этой муки готовят „дуг-и пера“ — нечто вроде пельменей или „барак“ — пирожки с луком. Угощение устраивают только вечером, и на него приглашаются обыкновенно только родные и больше всего женщины.

КОРМЛЕНИЕ РЕБЕНКА ГРУДЬЮ И ОТНЯТИЕ ЕГО ОТ ГРУДИ

Кормление ребенка материнской грудью начинается со 2-го, а иногда с 3-го дня после его рождения. Молоко женщины в первый день рождения называется „фала“, т. е. простое, негодное молоко. В первый день рождения ребенок кормится грудью любой из тех женщин, которые заходят повидать и поздравить роженицу. Раньше чем ребенок начинает пользоваться молоком матери, берут кусок хлеба, проводят им по груди роженицы, приговаривая „сук“, „сук“ (סוק סוק) и бросают хлеб собаке, после этого мать берет ребенка и кормит. Кормление грудью обычно продолжается до двух лет и двух месяцев, в связи с этим существует поговорка: „ду соли, ду мой шир как дорад“ דורא סאלי דו מאל' דו מאל' שד דאך דאראד, т. е. „два года и два месяца он (ребенок) имеет право на молоко“.

При отнятии от груди мажут груди хиной или чернят их сажей, чтобы неприятный вкус и цвет отпугивали и отталкивали ребенка от груди.

Ташкент.

А. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ТАСМАНИЙЦЫ

(Краткий очерк культуры)

Одной из позорнейших страниц истории английской колониальной экспансии бесспорно является истребление туземного населения о. Тасмании.

Белые нашли остров довольно плотно населенным. Хотя точные цифровые данные отсутствуют, но один из наиболее авторитетных исследователей, R. Rösch,¹ полагает, что продуктами охоты и собирательства на Тасмании могло существовать около 6000 туземцев. После того как численность населения достигла указанной цифры, дальнейший его прирост, повидимому, не мог иметь

¹ R. Rösch, p. 67—68.

места, так как в условиях хозяйства тасманийцев это означало бы перенаселение, а наличие такового не подтверждается никакими данными; с другой стороны, отсутствовали и причины уменьшения населения. Такими причинами могли бы быть болезни, войны и голодовки.

Что касается болезней, то тасманийцы были своею изолированностью гарантированы от заноса новых болезней, производящих всегда громадные опустошения, а в отношении болезней местного происхождения у них должен был постепенно выработаться известный иммунитет.

Климат острова таков, что не мог содействовать развитию каких-либо болезней, за исключением разве ревматических, которые не могли оказать значительного влияния на численность населения.

Равным образом, исключается значительное вредное влияние войны, так как дело не шло дальше мелких междуплеменных распрей. Голодовок, повидимому, не было, по крайней мере европейцы не нашли туземцев истощенными. Детоубийство стало практиковаться только после прихода европейцев.

Первые белые были встречены тасманийцами с величайшим дружелюбием. По свидетельству Кука, тасманийцы из всех виданных им „дикарей“ были самым добродушным и доверчивым народцем. „Они не имели свирепого или дикого вида, а казались добрыми и веселыми без недоверчивости к чужестранцам“.¹

Когда в 1803 г. на острове было основано первое английское поселение, тасманийцы также отнеслись к колонистам без какой бы то ни было враждебности. Лишь насилия и жестокости европейцев заставили тасманийцев изменить свое отношение к белым. В источниках мы находим многочисленные красочные примеры этих насилий и жестокостей. „Некто, по имени Carrots, — рассказывает Н. Parker, — убил туземца, у которого он хотел увести жену, отрезал ему голову, повесил ее, как игрушку, на шее убитого и заставил женщину следовать за собой“.² Тот же автор сообщает о подвигах одного тюленепромышленника, который „захватил 10—15 туземных женщин и расселил их по островкам Бассова пролива, чтобы они добывали для него тюленей. Если к его приезду женщины не успевали заготовить положенного количества шкур, он в наказание привязывал виновных к деревьям на 24—36 часов подряд, причем от времени до времени сек их розгами“.

Rosse упоминает о встрече с полуумиравшим от голода скотоводом, который заблудился, преследуя свою туземную рабыню, освободившуюся от бычьих пут, которыми связал ее хозяин, и бежавшую. „Нет сомнения, — говорит он, — что такое и даже худшее обращение со стороны белых скотоводов послужило первой и главной причиной той враждебности, с которой теперь туземцы относятся ко всем белым“.³

В начале 1820-х годов тасманийцы делают попытки организованного вооруженного сопротивления европейским насильникам. Возгорается так называемая „черная война“, — „black war“, скоро превратившаяся в настоящую охоту англичан за тасманийцами, совершенно беззащитными против огнестрельного оружия белых.

Н. Hull прямо говорит, что „охота за черными была любимым спортом колонистов. Выбирали день и приглашали соседей с их семьями на пикник... после обеда джентльмены брали ружья и собак и, в сопровождении 2—3 слуг из ссыльных, отправлялись в лес искать черных. Охотники возвращались с триумфом, если им удавалось подстрелить женщину или 1—2 мужчин“.⁴ „У одного колониста, — рассказывает Ling Roth, — была банка из под пикулей, в которой он хранил в качестве охотничьих трофеев уши всех черных, которых ему удавалось убить“.

¹ Cook's Third Voyage, I, p. 45.
Roth'y, p. 171.

² Н. Parker, p. 29.
⁴ Н. Hull. Experience etc., p. 74.

³ Цитировано по Н. Ling

У того же автора находим еще один красочный пример той беспощадной жестокости, с которой англичане вели „черную войну“. „Много черных с женщинами и детьми собралось в овраге близ города... мужчины сидели вокруг большого костра, в то время как женщины были заняты приготовлением на ужин опоссумов и бэндикутов. Туземцы были застигнуты врасплох отрядом солдат, которые без предупреждения открыли по ним огонь, а затем бросились добивать раненых. Один солдат проткнул штыком ребенка, ползавшего около своей убитой матери, и бросил его в огонь“. Этот солдат сам рассказывал о своем „подвиге“ путешественнику Hull'ю, и когда последний выразил возмущение его жестокостью, тот с искренним удивлением воскликнул: „Ведь это был только ребенок!“

В 1834 г. „черная война“ была окончена.

„28 декабря, — рассказывает Э. Реклю, — последние туземцы, преследуемые, как дикие звери, были захвачены на оконечности одного возвышенного мыса, и это событие праздновалось с триумфом. Счастливый охотник, Робинсон, получил в награду от правительства имение в 400 га и значительную сумму денег; кроме того, публичная подписка дала ему около 200 тысяч франков. Пленных сначала переводили с островка на островок, а потом заключили всех тасманийцев в числе двух сотен в одну болотистую долину о. Флайндерса. Им давали съестные припасы и уроки катехизиса. В течение 10 лет более $\frac{3}{4}$ ссыльных перемерли“.¹

В 1860 г. оставалось по Hull'ю уже только одиннадцать тасманийцев.² В 1876 г. умирает последняя тасманийка „королева“ Труганини, прозванная англичанами Лалла-Рук, и остров оказывается, по выражению английских официальных документов, совершенно „очищенным“ от туземцев, если не считать ничтожного количества европеизированных метисов английско-тасманийского происхождения.³

* * *

Культура тасманийцев, в результате быстрого истребления этого интересного народа, осталась мало изученной: исследователи вынуждены базироваться на отрывочных показаниях старинных путешественников и на „археологическом“ материале в виде находимых на острове каменных орудий. Последние изучались лишь чисто формально, и неудивительно, что мы находим в литературе сопоставления их с орудиями всех эпох палеолита. Так, Бальфур, исследовавший каменные орудия в количестве около 5000 образцов из 40 стоянок в северных и восточных округах Тасмании, сближает их технику с мустьерской и ориньякской, причем находит, что сходство с ориньякской культурой выражено более четко.⁴ Наиболее распространен на Тасмании, как указывает Бальфур, „скребок с бородкой“, являющийся одним из характерных орудий позднего палеолита. Sollas проводит аналогию между тасманийской и ашельской культурами. J. P. Johnson указывает на сходство с пре-ориньякскими формами и, в особенности, с известными формами мустьерской индустрии.

Как бы то ни было, громадное большинство находимых на Тасмании каменных орудий (tero-watta), очевидно, получено простым отбиванием осколков от одного камня (nucleus) и не имеет никаких следов дальнейшей обработки. По описанию колониста Raupner'a, наблюдения которого относятся к 1813 — 1818 гг., туземцы разбивали камень на куски, ударяя им о скалу или о другой камень, и из полученных осколков выбирали те, которые имели острые, режущие края. Бросая один камень на другой, лежащий на земле, туземец отскакивал, широко раставляя ноги, чтобы не быть раненым осколками.⁵

¹ Реклю, стр. 698—699.

² H. Hull. Statistical Summary.

³ Их антропологическую

характеристику дал Malcolm в „Man“, 1920, № 71.

⁴ H. Balfour. Русск. пер. in extenso см.

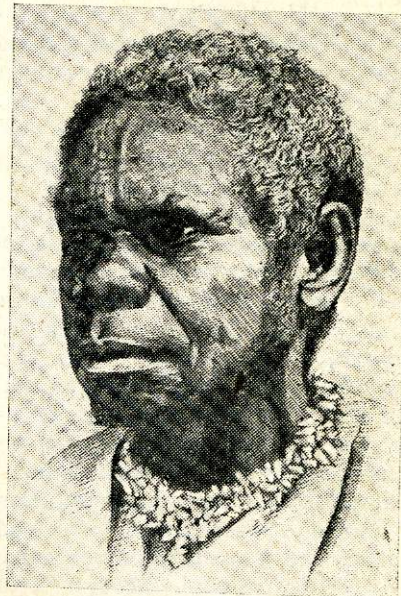
В. К. Никольский и М. В. Бердонос. Религии наименее культурных племен. 1931, стр. 17—21.

⁵ H. Ling Roth, p. 151.

Излюбленным материалом для тасманийских *tero-watta* служил роговик, богатые месторождения которого находятся близ Dismal Creek.¹

В виде исключения встречаются образцы, свидетельствующие о более тщательной оббивке, посредством которой им умышленно придана определенная форма. Это свидетельствует о начинающейся специализации орудий. Снимок с одного из таких образцов находим у Noetling'a.² По мнению автора, этот предмет, употреблявшийся то в качестве скребка (*Schaber*), то в качестве долота (*Hohlschaber*), представляет собою изображение животного, может быть, вомбата. Noetling упоминает и о других, найденных им на Тасмании, „фигурных камнях“ (*Figursteine*), изображающих, по его мнению, эвкалиптовые листья, змей, четвероногих животных, птички и человеческие головы. Домыслы автора являются, однако, явно фантастическими; в источниках они никакой опоры не находят.

Хотя таким образом есть указания на существование на Тасмании специализированных форм каменных орудий, все же большинство из них имело универсальное применение: одно и то же орудие служило для резки, скобления, рубки. При помощи *tero-watta* тасманийцы свеживали кенгуру, опосумов и других сумчатых, резали мясо, делали зарубки на деревьях для облегчения взлезания на последние, сглаживали и заостряли копыта и палицы; те же *tero-watta* служили для срезания волос на голове у женщин, скарификации, скобления красной охры, которую, смешав ее с жиром, смазывали волосы.

Фиг. 1. Последняя Тасманийка.

На универсальность *tero-watta* (*tronatta*, *throwutta*) указывает отсутствие в тасманийских языках слов для обозначения разных видов орудий: все каменные орудия обозначались одним и тем же словом, производным от *trona* или *teroooa*, которым называли камень, служивший материалом для изготовления.³ В качестве оружия *tero-watta* никогда не употреблялись.

Сенсацию вызвали в свое время находки на Тасмании шлифованных галек.⁴ Одна из таких галек была обнаружена в 1906 г. на стоянке в Old Beach. Это диабазовая овальная галька в 127 мм длины, 83 мм ширины и 32 мм толщины, весом в 680 г. Она отшлифована с одной стороны, причем шлифовка доходит до самого края.

Другой экземпляр, найденный на Кемптонской стоянке,⁵ круглой формы и имеет посредине углубление в 6 мм. По краям и на противоположной стороне видны ясные следы оббивки. Предмет имеет 140 мм в поперечнике, толщина 63.5 мм, вес 2491 г.

Третий экземпляр, найденный на стоянке в Melton-Mowbray, имеет в длину около 216 мм, в ширину 106 мм, в толщину 76 мм, вес 3311 г. Форма предмета яйцевидная. На одной стороне имеется посредине углубление около 108 мм длины и 101.5 мм ширины при глубине в 6.5 мм.

Noetling считает углубления, имеющиеся в двух последних экземплярах, „результатом намеренной, заботливой шлифовки“.

¹ J. Scott, p. 24.

² F. Noetling. ZE, 1911, p. 645. См. также статьи Noetling'a в *Papers and Proceedings* и в *Arch. f. Anthrop.*

³ F. Noetling. ZE, 1909 и *Papers*, 1908.

⁴ F. Noetling.

ZE, 1911, S. 634 ff.

⁵ О нем подробно у Noetling'a в *Papers*, 1908.

Предположение, что они могли образоваться вследствие употребления этих камней в качестве краско- или зернотерок, он считает несостоятельным: тасманийцы, как доказывает автор в другой статье,¹ не растирали охру, а скоблили ее и затем, смешав на ладони с жиром, смазывали волосы, следовательно предмет не мог служить краскотеркой; равным образом, отсутствуют данные, свидетельствующие об употреблении тасманийцами в пищу растертых семян или орехов.²

Если бы подобные камни служили зернотерками, они, по резонному замечанию Noetling'a, встречались бы в гораздо большем количестве.

Орудия повседневного употребления никогда не подвергались шлифовке. Исключение представляет один, упоминаемый Бальфуром, образец режущего орудия, имевшего лезвие, усовершенствованное шлифовкой. Бальфур приписывает происхождение этого орудия „австралийскому влиянию“; австралийцами же завезены, по его мнению, найденные на Тасмании в единичных образцах каменные топоры с рукоятками.

Обработка кости была совершенно неизвестна тасманийцам. Так называемые „ложечки“ из *fibula* кенгуру, в действительности, как это доказано Noetling'ом, не имеют никаких следов обработки.³

Некоторые авторы упоминают о костяных рыболовных крючках, но таковые стали фабриковаться лишь после европейской оккупации острова туземцами, интернированными в концентрационных лагерях: до прихода европейцев тасманийцы, по единогласному свидетельству источников, не употребляли рыбы в пищу.

Раковины употреблялись в необработанном виде в качестве сосудов для питья. Иногда туземцы пользовались раковиной вместо камня для обтачивания копий.⁴ Мелкие раковины, именно *Elenchus*, служили материалом для ожерелий. Ожерелья эти интересны, как доказательство того, что тасманийцам было известно искусство сверления.

В коллекции Brough Smith'a имеется ожерелье, состоящее из 565 просверленных раковин *Elenchus*, нанизанных на травяной шнурок.

Боевое и охотничье оружие тасманийцев составляли копья и палицы.

Копья (*Perepna*) представляли собой заостренные и обоженные на огне палки до 4 м длины и толщиной в палец. Они были приблизительно на 40 м. Материалом служили длинные прямые ветви разных твердых пород деревьев, преимущественно *Leptospermum* и *Melaleuca*. По свидетельству Thirkell'a, цитируемого Ling Roth'ом, у северных племен были зубчатые копья. Тот же автор упоминает о существовании у этих племен плоских щитов из твердого дерева.

Есть указание, что тасманийцы иногда отравляли копья, пользуясь для этой цели трупным ядом.⁵

Палицы (*Lughrana*) изготовлялись преимущественно из молодых деревьев *Pittosporum bicolor*. Backhouse описывает это оружие как заостренную с обоих концов короткую палку около дюйма толщины, снабженную на одном конце частыми грубыми насечками для предохранения от скольжения в руке.⁶ При метании палица держалась в горизонтальном положении; будучи брошена, она приходила во вращательное движение, которое Calder сравнивает с полетом бумеранга.

Тасманийская техника плетения характеризуется как спирально-валиковая. Имеющиеся в Британском музее образцы корзин, снимки с которых воспроизведены у Ling Roth'a, весьма сходны с австралийскими. Наряду с плетеными корзинами и сумками встречаем гораздо более примитивные: из коры, листьев, водорослей.

¹ F. Noetling. Red Ochre... ² F. Noetling. The Food. ³ F. Noetling. Z E, 1911, p. 640—642.

⁴ Cook's Second Voyage. BK I, Ch. VII.

⁵ H. Ling Roth, p. 80.

⁶ J. Backhouse, p. 90.

Любопытный образец представляют сосуды для воды, сделанные из листа *Ficus palmatus* или *Alga marina*. Концы листа соединены тонкими деревянными спицами, удерживаемыми в своем положении посредством травяной бичевки.

Жилища тасманийцев в большинстве случаев представляли собой примитивные заслоны от ветра. Нередко тасманийцам служили убежищем естественные пещеры. Наряду с наиболее примитивными формами жилья встречаются, однако, хижины в форме полушария или конуса с остовом из жердей, крытые корой и ветвями.

Своеобразные суда тасманийцев. Они представляли собой нечто среднее между плотом и лодкой и делались из больших, свернутых в трубку, вложенных один в другой и обмотанных травяными веревками кусков коры разных видов эвкалипта. Такое судно поднимало до 6 человек; оно приводилось в движение при помощи палок в 2.5—5 м длины; при низкой воде этими палками пользовались как баграми, при высокой — как веслами. Гребцы работали стоя или сидя на связках травы.

Одеждой тасманийцам служили просушенные шкуры кенгуру, носившиеся в виде передников или плащей для защиты от холода больными, стариками, иногда женщинами, но большею частью, даже в холодное время года, тасманийцы ходили совершенно нагими.

Из трех, известных на материке Австралии, орудий для добывания огня — огневого сверла, плуга и пилы — тасманийцам были известны два первых. Добывание огня путем сверления было преобладающим способом. Огонь старались сохранить, и при перекочевках женщины всегда уносили с собой с последней стоянки тлеющие факелы из коры.¹

Техника обработки пищевых продуктов стояла у тасманийцев очень низко. Как уже упомянуто, они не были знакомы с искусством растирания зерен; далее, у них отсутствовала земляная печь, существующая у туземцев соседнего материка, не было известно искусство варки; они знали только жарение на костре и печение в золе.

Брожение было известно тасманийцам. По свидетельству Bunce'a,² туземцы делали глубокие зарубки на стволах *Eucalyptus resinifera*, носившего у колонистов название „сидрового дерева“ (cider-tree), и собирали вытекавший в изобилии сладкий сок в ямку, вырытую у подножия дерева. Сок быстро сгущался, превращаясь в род патоки. Ямка прикрывалась плоским камнем для защиты от зверей и птиц.

Спустя некоторое время, сок начинал бродить и, смешанный с водой, давал опьяняющий напиток вроде сидра.

Ведущую роль в хозяйстве тасманийцев играло собирательство, вследствие обилия и разнообразия его объектов, каковы: грибы, весившие нередко до 5 кг, луковицы, ягоды, птичьи яйца, съедобные водоросли, личинки насекомых. Рядом с собирательством в собственном смысле слова надо поставить ловлю ракообразных и промысел мелких зверьков (сумчатая крыса, опоссум, бандикут, вомбат), который P. Descamps удачно обозначает термином „la chasse-cueillette“.³

Охота на крупную дичь (кенгуру) и промысел морских млекопитающих (тюлени и попавшие на мель киты) играли менее важную роль, вследствие относительной редкости объектов и примитивности орудий и способов охоты: тасманийцы не знали ловушек в какой бы то ни было форме; их метательные копья и палицы били, как мы знаем, не более чем на 40 м, а на такое расстояние трудно подкрасться к кенгуру; поэтому индивидуальная охота носила случайный характер. Обычным способом являлись облавы с выжиганием травы и кустарника.

¹ F. Péron, p. 220.

² D. Bunce, p. 47.

³ P. Descamps, p. 115.

Половое разделение труда было выражено не вполне четко: женщины не только добывали мелких зверьков и участвовали в облавах в качестве загонщиц, но и самостоятельно промышляли тюленей, которых били дубинками.

Относительно распределения продуктов собирательства и охоты в источниках отсутствуют какие бы то ни было прямые данные, за исключением традиционного указания на то, что мужчинам шли лучшие куски. А priori можно предположить, что продукты коллективной охоты распределялись между всеми участниками; также излишками индивидуальной добычи охотник делился с сочленами группы, так как искусство консервирования продуктов тасманийцам не было известно.

* * *

Тасманийцы делились на 20 племен,¹ каждое из которых имело свой диалект, но социальными единицами были не племена, а локальные группы, на которые делилось племя. Локальные группы были не велики; повидимому, число членов группы не превышало 50 человек. Fourneau² говорит, что ему не приходилось видеть стойбища, состоявшего более чем из 4 хижин, причем каждая из них вмещала не более 4 человек. O'Connor определяет численность группы совместно кочевавших туземцев в 10—30 человек.³ La Billardiére рассказывает о встрече с туземной ордой, состоявшей из 42 человек, в том числе 7 мужчин и 8 женщин; остальные, среди которых было много девушек брачного возраста, были, повидимому, их детьми.⁴ В другом месте тот же автор упоминает об орде, состоявшей из 48 человек (10 мужчин, 14 женщин и 24 детей, среди которых были как юноши, так и девушки).⁵

Каждая локальная группа кочевала в пределах строго определенной территории, нарушение границ которой было равносильно объявлению войны.⁶

Местами наблюдался переход к оседлости, главным образом, на северо-западном побережье острова, где туземцы оставались круглый год на одном и том же месте, занимаясь ловлей ракушек.⁷ Однако, по общему правилу, группы передвигались по сезонам, проводя зиму в защищенных от морских ветров долинах, а лето — на морском берегу. Кроме этих сезонных перекочевок, практиковались постоянные переходы с одного места на другое в поисках дичи в пределах одной охотничьей территории.

Строй тасманийской локальной группы остался почти совершенно неизученным.

По свидетельству Backhouse'a, локальная группа состояла из нескольких семей, и на стоянке каждая семья помещалась у отдельного костра.⁸ Это подтверждает и Lloyd: „когда племя туземцев, — говорит он, — разбивало лагерь, каждая семья разводила отдельный костер, причем костры помещались на расстоянии 14—20 ярдов один от другого.“⁹

Локальные группы, по общему правилу, были экзогамны. Milligan говорит, что жен редко брали из своего „племени“, а чаще похищали или открыто захватывали в соседних „кланах“.¹⁰

Тот же автор утверждает, что у тасманийцев господствовала моногамия: ни один мужчина, — говорит он, — не имел больше одной жены в одно и то же время“.

Это одно из очень немногих указаний, могущих служить некоторой опорой для домыслов кардинала Шмидта о существовании у тасманийцев моногамной семьи. Ему противостоит целый ряд свидетельств противоположного характера. Так, Lloyd нашел у племени Oyster Bay только одного туземца, имевшего одну

¹ E. Curr, p. 594. См. также J. Walker.

² Cook's Second Voyage, Bk. I, Ch. VII.

³ См. H. Ling Roth, p. 72.

⁴ La Billardiére, II, p. 37.

⁵ Ibid., p. 54.

⁶ H. Ling Roth, p. 72.

⁷ P. Descamps, p. 114.

⁸ J. Backhouse, p. 104.

⁹ G. Lloyd, p. 137.

¹⁰ J. Milligan in

Nixon's The Cruise of the Beacon, p. 29.

жену; обычным же числом было 2—3 жены.¹ У West'a читаем: „полигамия была терпима; кроме того, женщины были двумужницами“ („bigamists“).² Сам Milligan резко подчеркивает крайнюю легкость развода; таким образом и из его свидетельства нельзя сделать вывода о существовании у тасманийцев более или менее прочной моногамной семьи.

Вдова считалась у тасманийцев собственностью всей группы: на половые сношения с нею имели право все мужчины.

Сопоставляя эти данные источников, приходим к заключению, что брак носил у тасманийцев групповой характер, и семья не являлась сложившейся социальной единицей.

Это вынужден признать даже новейший французский компилятор P. Descamps, которого трудно заподозрить не только в сочувствии одиозным для буржуазной науки теориям, но хотя бы в поверхностном знакомстве с последними. „Женщина, — говорит он, — считалась у тасманийцев собственностью всего племени; муж был только ее временным исключительным пользователем“ („l'usufruitier temporaire exclusif“).³ Словечко „exclusif“ здесь как будто и лишнее, если припомнить приведенное выше свидетельство Lloyd'a о „двумужии“ тасманийских женщин.

Взаимоотношения между отдельными локальными группами рисуются источниками явно тенденциозно в виде постоянной войны. В качестве причин войн указываются нарушение границ охотничьей территории и увод женщин. Повидимому, войны сильно участились в период европейской оккупации, когда захваты белыми охотничьих угодий стали вынуждать туземцев переходить в поисках дичи границы своих территорий.

Относительно организации власти в тасманийском обществе источники сходятся в утверждении, что у тасманийцев не было ни выборных, ни наследственных вождей. West говорит, что вожди являлись ничем иным, как „главами семей“,⁴ что подтверждает и Backhouse.⁵

Существовала инициация юношей, но об обрядах ее мы знаем только то, что одним из них была скарификация. Bonwick упоминает о вращательной дощечке (mooyimkarr), которую было запрещено видеть женщинам, но говорит о ней только как об орудии магии, а не как о принадлежности обрядов инициации.⁶

Колдунов, как особой социальной группы, пользующейся известными привилегиями, не существовало. Каждый знал и применял магические приемы,⁷ хотя в каждой группе были лица, считавшиеся особенно искусными в этом деле; англичане называли их „докторами“, магические приемы были несложны и очень напоминали практиковавшиеся австралийцами. По свидетельству Bonwick'a, колдуны лечили растиранием больного места, сопровождая свои манипуляции заклинаниями, и затем показывали якобы извлеченную из тела больного кость или камень. Backhouse⁸ говорит, что колдуны носили при себе куски стекла, посредством которых наносили глубокие раны в части тела пациента, пораженные болезнью. Очевидно, стекло заменило магические кристаллы, которые и на материке Австралии являлись необходимой принадлежностью колдуна.

Широко распространенным средством для предохранения от болезней и исцеления от них служили кости мертвых. Прикладывание кости мертвеца к больному месту считалось одним из лучших средств для излечения болезни, как и принятые внутрь поскребки с кости покойника и вода, в которой была вымочена кость.⁹

Milligan говорит, что туземцы часто носили на шее ту или другую из костей умершего „друга“ или родственника в качестве амулета, предохра-

¹ G. Lloyd, p. 44.

² J. West, p. 78.

³ P. Descamps, p. 117.

⁴ J. West, p. 81.

⁵ J. Backhouse, p. 105.

⁶ J. Bonwick, p. 175—176.

⁷ Th. Dove, p. 252.

⁸ J. Backhouse,

p. 103. ⁹ J. Bonwick, p. 179.

няющего от всяких бед. Для этой цели употреблялись кости рук, ног, нижняя челюсть и даже целый череп.¹

В качестве средства от головной боли в волосы втыкали три кости, располагая их в форме треугольника.² Иногда больных клали для излечения около тела умершего. Backhouse рассказывает, что когда однажды умерла женщина, туземцы соорудили платформу из жердей и на закате солнца положили на нее труп; затем они разместили своих больных вокруг платформы на некотором расстоянии от последней. По словам туземцев, покойница ночью должна встать и изгнать из больных злых духов, причиняющих болезнь.³

О приемах вредительной магии источники, к сожалению, умалчивают. Только Brough Smith упоминает, что тасманийцы верили, будто человеку можно принести вред, завладев его волосами.⁴

Тасманийцы верили в духов мертвых, которые днем скрываются в пещерах и расщелинах скал, дуплах деревьев, уединенных долинах, а по ночам бродят по земле. Духи являются, в общем, благожелательными существами, но при случае способны вредить живым. У каждого человека есть свой дух-покровитель.⁵

Бросается в глаза сходство этих верований с представлениями об Iruntarinia и Arumburinga у центрально-австралийских арэнта.

Загробная жизнь считалась простым продолжением земной. существовало представление о стране мертвых, богатой дичью и ягодами.

Формы погребения отличались значительным разнообразием. Наряду с погребением в земле практиковались: кремация, иногда с предварительным выставлением трупа на платформе, погребение в пещерах, в дуплах деревьев. Вместе с покойником хоронили его оружие.⁶

Интересны „священные камни“ тасманийцев, упоминаемые Brough Smith'ом и Backhouse'ом. Они представляют замечательную аналогию с австралийскими чурингами. Brough Smith говорит, что они служили амулетами и талисманами.⁷ По Backhouse'у, черные и красные полосы, накрашенные на этих камнях, изображали „отсутствующих друзей“. Bonwick с достаточным основанием полагает, что здесь имелись в виду не отсутствующие друзья, а умершие, о которых говорили как об „отправившихся в далекий путь“.⁸

Ling Roth говорит, что в источниках нет никаких указаний на существование у тасманийцев тотемизма.

Прямые указания, действительно, отсутствуют, но некоторые косвенные указания можно найти.

Такова приводимая West'ом⁹ легенда о творении, в которой рассказывается, что первые люди были хвостатыми, т. е. подобными животным; далее, сообщение Backhouse'a о том, что некоторые племена не употребляли в пищу самцов валлаби, а другие — самок, причем даже очень сильный голод не мог побудить туземцев нарушить это табу.¹⁰

Кардинал Шмидт пытался доказать существование у тасманийцев монотеизма. Главную опору своим домыслам он находил в показаниях лейтенанта Джеффриса (Jeffreys) и миссионера Ли (Leigh). Но этим показаниям могут быть противопоставлены гораздо более многочисленные и обоснованные свидетельства Milligan'a, Widowson'a, Dove'a и других авторов в пользу отсутствия у тасманийцев какой бы то ни было веры в верховное существо. Представление о нем, очевидно, возникло лишь в позднейшее время под влиянием пропаганды миссионеров.

¹ J. Milligan y Nixon'a.

² J. Backhouse, p. 84.

³ Ibid., p. 105.

⁴ R. Brough

Smith, p. 399.

⁵ J. Milligan в Papers etc. Цит. по H. Ling Roth'y, p. 67.

⁶ J. Milligan y

Nixon'a.

⁷ R. Brough Smith, p. 398. Описание этих камней дал F. Noetling („The Magic Stones“).

⁸ J. Bonwick, p. 193.

⁹ J. West, p. 90.

¹⁰ J. Backhouse, p. 171.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Backhouse, J. Narrative of a Visit to the Australian Colonies. L., 1843.
- Balfour, H. The Status of the Tasmanians among stone-age peoples. Proceedings of the Prehistoric Society of East Anglia. 1925, v. V, p. 1—15.
- Bonwick, J. Daily Life and Origin of the Tasmanians. L., 1870.
- Brough Smith, R. Aborigines of Victoria, v. II, Melbourne, 1878.
- Bunce, D. Twenty-three Years' Wanderings in Australia and Tasmania. Geelong, 1857.
- Calder, J. Some Account of the Wars, Extirpation and Habits of the Native Tribes of Tasmania. Journal of the Anthropological Institute, v. III, p. 7—28.
- Cook, J. Second Voyage, L., 1777.
— Third Voyage. L., 1784.
- Curr, E. The Australian Race, v. III, Melbourne, 1887.
- Descamps, P. État social des peuples sauvages. Paris, 1930.
- Dove, Th. Moral and Social Characteristics of the Aborigines of Tasmania. Hobart, 1842.
- Hull, H. Experience of Forty Years of Tasmania. L., 1859.
— Statistical Summary of Tasmania from the year 1816—1865 inclusive. Hobart, 1866.
- Jeffreys, Ch. Van Diemen's Land. L., 1820.
- Johnson, J. P. The Stone Implements of the Tasmanians. „Nature“, 1913, p. 320.
- La Billardiére, H. Relation du Voyage à la recherche de La Pérouse. Paris, 1800.
- Leigh, H. The Aborigines of Van Diemen's Land. Missionary Notices of the Methodist Conference, v. III, L., 1822.
- Ling Roth, H. The Aborigines of Tasmania. Halifax, 1899.
- Lloyd, G. Thirty-three Years in Tasmania and Victoria. L., 1862.
- Malcolm, L. Short Notes on the Inhabitants of Cape Barren Island, Bass Strait, Tasmania. „Man“, 1920, № 71.
- Milligan, J. Religious Beliefs of the Tasmanian Aborigines. Papers and Proceedings Roy. Soc. Tasmania, 1854, p. 180.
- Nixon, F. The Cruise of the Beacon. A Narrative of a Visit to the Islands in Bass's Straits. L., 1857.
На стр. 25—31 сообщение J. Milligan'a о туземцах Тасмании.
- Noetling, F. Some Implements of the Tasmanian Aborigines. The Magic Stones. The Tasmanian Naturalist, 1907, v. I, № 3, p. 1—6.
- Notes on a Chipped Boulder found near Kempton. Papers and Proceedings Roy. Soc. Tasmania, 1908, p. 44—52.
- The Aboriginal Designations for Stone Implements. Papers and Proceedings Roy. Soc. Tasmania, 1908, p. 60—67.
- Kannte die tasmanische Sprache spezielle Worte zur Bezeichnung der verschiedenen Gebrauchsart der archäolitischen Werkzeuge? Ztschr. f. Ethnologie, 1909, S. 199—208.
- Red Ochre and its Use by the Aborigines of Tasmania. Papers and Proceedings Roy. Soc. Tasmania, 1909, p. 30—38.
- Studien über die Technik der tasmanischen Tronatta. Archiv für Anthropologie, 1909, VIII, H. 3, S. 197—207.
- The Food of the Tasmanian Aborigines. Papers and Proceedings Roy. Soc. Tasmania, 1910, p. 279—305.
- Beiträge zur Kenntnis der archäolitischen Kultur der Tasmanier. Ztschr. f. Ethnologie, 1911, S. 633—663.
- Parker, H. Van Diemen's Land. L., 1834.
- Péron, F. Voyage de Découvertes aux Terres Australes. Paris, 1807.
- Pösch, R. Ein Tasmanierschädel im naturwissenschaftlichen Hofmuseum. Die anthropologische und ethnographische Stellung der Tasmanier. Mitteilungen d. Anthropologischen Gesellschaft in Wien, 1916, Bd. 46, H. 1—3, S. 37—91.
- Ross, J. Fourteen years ago. Hobart Town Almanack for 1836.
- Scott, J. Letter to J. W. Agnew Esq. Monthly Notices of Papers and Proceedings Roy. Soc. Tasmania, 1873, p. 24.
- Sollas, W. Ancient Hunters and their Modern Representatives. 2-d edition, L., 1923.
- Walker, J. Some Notes on the Tribal Divisions of the Aborigines of Tasmania. Proceedings Roy. Soc. Tasmania, 1897—1898, p. 145—175.
— Early Tasmania. Hobart, 1902.
- West, J. The History of Tasmania. Launceston, 1852.
- Widowson, H. Tasmania. Present State of Van Diemen's Land. L., 1829.